

Художник Зибельман

ФАНТАСТИКА

Ольга Леданика

Художник Зибельман не рисует портреты. Художник Зибельман не любит натюрморты и никогда не рисует пейзажи. Художник Зибельман рисует дома. И узкие улочки. А иногда — широкие проспекты. И разноцветные яркие флюгеры на покатых крышах невысоких пряничных домов. И голубей, которых кормят с рук серьезные дети с глазами мудрых стариков.

— Ты идиот, — каждое утро говорит старая костлявая жена художнику Зибельману, — ты видишь, что ты со мной сделал? — И она протягивает через стол изможденные временем и работой руки.

— Ты дармоед, — каждое утро эти слова жена намазывает художнику Зибельману на хлеб вместо масла, — ты рисуешь свои картинки и отдаешь их даром. За что мне такое наказание? И почему я не могу пожить, как живут нормальные люди, и почему... зачем... сколько можно... мож-ж-жно... мож-ж-жно...

Ее слова, привычные, как старые часы на стене, недовольными хлопьями падают на пол. Художник Зибельман уже давно ничего не отвечает жене. Это как гроза, которую в детстве так приятно было пережить, зарывшись в одеяло от сладкого ужаса. Это как ветер, с которым бесполезно бороться, а лучше расправить руки-крылья и улететь далеко-далеко, туда, где нет жены и...

...и тут в дверь стучат.

— Это ко мне, — говорит художник Зибельман, идет к двери и оставляет на столе стакан кипятка, в котором вместо сахара растворились злые слова жены.

За дверью художника Зибельмана встречают зеленые глаза и рыжая упрямая челка — внучка пришла.

— Ты почему не в школе? — хмурится художник.

— Воскресенье, — улыбается Васька, — ну, пойдём?

— Кто там? Василиса, это ты?

— Это я, бабушка. С добрым утром, — вежливо отзывается Васька и нетерпеливо тынет деда за рукав: — Пойдем!

Художник Зибельман виновато улыбается жене и осторожно прикрывает дверь. Хорошо, что есть дверь и что можно оставить за ней вещи... и людей... все, что не пахнет краской, и всех, кто не умеет видеть в разноцветных линиях все то, что видят в них художник Зибельман и Васька... и те, другие, которые знают, что видеть можно не только глазами.

До мастерской идти всего ничего — десяток шагов по узкой тропинке между пестрыми цветочными клумбами. Десяток шагов, которые можно пройти за одну минуту... вот только пчела... обыкновенная?

Художник Зибельман наклоняется и присматривается. Конечно, нет. Совершенно удивительная пчела с прозрачными крыльями, полосатым мохнатым тельцем и очень деловитыми движениями.

— Де-да-а-а-а! — Это Васька не может открыть дверь мастерской, по-стариковски упрямо припадающую к порогу.

Художник Зибельман кивает пчеле и спешит на борьбу с дверью. Победенная дверь неохотно скрипит — и вот уже

Васька деловито перебирает карандаши и тюбики с краской и ворчит — как же, хозяйка! — на беспорядок и только ей заметную пыль.

Художник Зибельман садится возле мольберта и молча смотрит на незаконченный рисунок. Быстрыми карандашными линиями набросана черно-белая площадь. Едва обозначены дома. Пустые скамейки с изогнутыми горделивыми спинками. Часы на ратуше. Фонтан.

Три черно-белые улицы убегают от площади навстречу уютным ресторанчикам и тенистым паркам, которые не поместились на рисунке, но обязательно где-то есть, потому что их не может не быть.

— Ты будешь раскрашивать, да? — Васька стоит рядом и с любопытством смотрит на черно-белый город.

— Ты думаешь, нужно раскрасить?

— А чей это город?

— Это город одной женщины... которая любит дождь, и собирает букеты из красных и желтых листьев, и ставит их в вазы — вместо живых цветов, которым больно, когда их срезают.

— А лимонное мороженое она любит? — Васька отрывается от рисунка и поднимает на деда серьезные глаза.

— Нет. Только клубничное. И чтобы обязательно хрустящий стаканчик.

— А кошка у нее есть?

— Есть. Раскрасишь?

— Я попробую. — Васька придвигает поближе ящичек с цветными мелками.

— Может, лучше красками? — спрашивает художник Зибельман. — Все-таки дождь.

— Дождь и кошка, — уверенно отвечает Васька, — если дождь и кошка, то лучше мелками, ты мне сам говорил.

Художник Зибельман улыбается, а Васька уже старательно раскрашивает скамейку.

— Думаешь, она синяя? Может, зеленая?

— Деда, — Васька смотрит укоризненно, — разве может кошка сидеть на зеленой скамейке? Ты это специально, да?

Художник Зибельман едва заметно улыбается и тут же делает серьезное лицо — мол, как можно?

Васька откладывает синий мелок, смотрит на рисунок, переводит взгляд на коробку, снова разглядывает рисунок.

— Деда, а где зонтик?

— Забыл. — Художник Зибельман виновато разводит руками. — Нарисуешь?

Васька берет желтый мелок, подносит к рисунку. Медлит. Меняет мелок на красный и неуверенно смотрит на деда. Художник Зибельман прикрывает глаза. Васька улыбается, и на синей скамейке появляется вызывающе красный зонтик.

В дверь стучат.

— Деда, ты сиди, я открою. — Васька бежит к двери.

За дверью стоит женщина с грустными глазами.

ФАНТАСТИКА

— Проходите, пожалуйста, — говорит Васька, — и снимайте плащ, у нас тепло. Это вы любите клубничное мороженое?

— Откуда... — Женщина пытается что-то спросить, но Васька настойчиво тянет ее к мольберту.

— Вот! Это ваш город! Правда, зонтик должен быть красным? Я хотела нарисовать желтый, но если вы любите клубничное мороженое...

Горошины Васькиных слов прыгают по комнате, женщина смотрит на рисунок, художник Зибельман смотрит на женщину, которая так и не сняла свой серый плащ.

Женщина протягивает руку и касается рисунка.

— Да, это мой город... можно... можно, я его заберу?

— Берите! — великодушно разрешает Васька. — Только сначала нарисуйте кошку.

— Кошку? — удивленно переспрашивает женщина.

— Конечно! В этом городе должна жить кошка!

— Я... я не умею — кошку. Может быть, вы сами нарисуете? — Женщина смотрит на Ваську, осторожно берет протянутый мелок, рассматривает — и удивленно переводит взгляд на художника. — Это будет... оранжевая кошка? Разве такие кошки бывают? Пускай лучше будет серая.

— Серая кошка пойдет гулять под дождем и потеряется. Или вы хотите, чтобы ваша кошка потерялась? — спрашивает Васька.

— Серые кошки всегда теряются, когда идет дождь. Это правда, — кивает художник Зибельман.

Женщина несмело подносит оранжевый мелок к синей скамейке. Медлит. Два прикасается к бумаге. Снова смотрит на художника Зибельмана — потом решает и проводит первую линию.

— Вот, — говорит женщина через несколько минут, — так я и знала. У меня получилась не кошка, а шапка. Нужно было, чтобы вы...

— Ваша кошка просто спит. — Васька склоняет голову и, прищурившись, смотрит на рисунок. — Сейчас пойдет дождь, и она проснется.

Васька берет простой карандаш и старательно рисует косые черточки — над фонтаном, скамейками, домами и оранжевой, свернувшейся в клубочек кошкой.

— Ой, — тихо говорит женщина.

Нарисованная кошка поднимает голову, потягивается, спрыгивает на серую брусчатку площади и внимательно смотрит на женщину.

— Почему она так смотрит? — спрашивает женщина.

— Ей скучно гулять одной, — говорит Васька.

— Кошкам не бывает скучно. Кошки всегда гуляют сами по себе. Им никто не нужен, — неуверенно возражает женщина.

— Это же ваша кошка, — едва заметно улыбается художник Зибельман. — А еще она — оранжевая.

— А можно мне туда... к кошке? — спрашивает женщина и протягивает руку к рисунку.

— Сейчас — нельзя, — строго отвечает Васька. — Никто не гуляет по нарисованным городам днем. По нарисованным городам гуляют только ночью. Во сне. Разве вам это не рассказывали в школе?

— Н-нет... В моей школе никогда... никогда ничего такого не рассказывали...

— Это была неправильная школа, — уверенно говорит Васька. — В правильных школах об этом обязательно рассказывают.

— А если я... если я не найду во сне этот город... и мою кошку? — Женщина смотрит тревожно.

— Это же ваш город, — парирует Васька. — Он сам вас найдет.

— И мне больше никогда не приснится?..

— Нет. Больше никаких кошмаров. Теперь у вас есть город, — строго говорит художник Зибельман.

— И кошка! — добавляет Васька.

— И кошка... — эхом повторяет женщина.

Васька осторожно открепляет рисунок от мольберта и протягивает женщине.

— Спасибо, — женщина прижимает свой город к оранжевому плащу, — сколько я вам должна?

Художник Зибельман берет с полки калькулятор, сосредоточенно нажимает на кнопки и показывает калькулятор Ваське. Женщина тревожно переводит взгляд с художника на Ваську.

— Одна! — говорит Васька женщине.

— Одна... что? — растерянно переспрашивает женщина. — Тысяча? У меня столько нет... Вы заберете у меня... город?

— Мяу! — настойчиво доносится с улицы.

Васька вприпрыжку бежит к двери, открывает — и в мастерскую уверенно заходит рыжий котенок.

— Мяу? — повторяет котенок вопросительно.

— Одна кружка молока! — Васька подхватывает котенка и кружится с ним под музыку цветных мелков и белых листов бумаги. Женщина несмело улыбается.

— И еще расскажете нам, что там, за площадью! И что за люди живут в этом городе. И есть ли в нем цирк. И карусель. Нам ведь тоже интересно, — добавляет художник Зибельман.

— Обязательно расскажу, — серьезно обещает женщина, идет к двери, берется за ручку и снова поворачивается к Ваське и художнику Зибельману: — А как...

— Как называется город? — перебивает женщину Васька.

— Да, как он называется?

— А вы как думаете? — спрашивает художник Зибельман.

— Я не знаю, — растерянно говорит женщина.

— Мы тоже не знаем. Придется вам спросить у кошки.

— А разве кошки...

— Оранжевые — всегда, — уверенно говорит Васька.

Женщина счастливо улыбается, открывает дверь и выходит из мастерской.

Васька складывает мелки в коробку, а художник Зибельман прикрепляет на мольберт чистый лист бумаги.

В мире так много людей, и каждому нужен свой город.

